

КОНФЛИКТЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
КАК СИМПТОМ ПРОБЛЕМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. А. Сухорукова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2020 г.

Аннотация: *поднимается проблема осложнения конфликтами судебного процесса по рассмотрению гражданских дел, анализируются их причины, природа и формы проявления, исследуется влияние конфликтов на развитие судебной коммуникации.*

Ключевые слова: *судопроизводство, конфликты, судебная коммуникация, коммуникативная компетентность.*

Abstract: *the article raises the problem of conflicts adding complications to civil proceedings, analyses causes, nature and forms of the conflicts; the article explores influence of the conflicts on the judicial communication.*

Key words: *proceedings, conflicts, judicial communication, communication competence.*

Судопроизводство – это правоприменительная деятельность, которая неизбежно связана с конфликтами, поскольку сама коммуникация, происходящая в суде, возникает, как правило, при уже имеющемся правовом споре между сторонами. То есть часто стороны вступают в процесс, уже находясь в конфликте или во всяком случае при наличии весомых к нему предпосылок. Но это лишь видимая часть проблемы, большая же часть этого айсберга скрывается внутри самого процесса.

Одной из ключевых в этом смысле ловушек судебного процесса является его основной принцип, принцип состязательности. Состязательность, которая является безусловной и единодушно в таком качестве признаваемой ценностью современного процесса в России¹ и за рубежом², в то же время создает благоприятную, можно даже сказать, манящую атмосферу для развития конфликта и в этом смысле, конечно, совершенно не способствует урегулированию разногласий сторон. Напротив, в процессе эти разногласия нередко лишь обостряются, поскольку к спору о праве примешивается еще и инстинктивное процессуальное соревнование, а с ним желание победить соперника. Победить, а не договориться с ним, и часто победить во что бы то ни стало.

¹ См., например: Фокина М. А. Развитие Конституционным Судом РФ принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессе, административном судопроизводстве (к 25-летию Конституции Российской Федерации) // Современное право. 2019. № 4. С. 72–83.

² См., например: Лазарев С. В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом. М., 2018.

Кроме того, судебная коммуникация, как и любая другая, сама может рождать сопутствующие конфликты между ее участниками уже не по существу спора, а по поводу процессуальных аспектов рассмотрения дела. Здесь речь идет не только о паре истец – ответчик, но и истец – судья, ответчик – судья, представители сторон и другие вариации. Встречаются даже конфликты внутри состава суда при коллегиальном рассмотрении дел. Это могут быть конфликты, например, обусловленные невозможностью использовать одно и то же средство доказывания, конфликты по поводу порядка исследования доказательств и т. п., т. е. связанные с юридической стороной процесса, и чисто межличностные конфликты, возникшие из социокультурных, гендерных, национальных различий, из каких-то спонтанных разногласий или эмоциональных реакций.

И хотя очевидно, что судебная деятельность, которая существует для разрешения правовых споров, не должна быть источником новых разногласий, нередко помимо спора сторон по поводу их материального правоотношения, процессуальная деятельность конфликтна еще и сама по себе. Причем эти процессуальные конфликты нуждаются в управлении в не меньшей степени, чем конфликты, возникшие до начала процесса, поскольку их разрушительное влияние только судебным процессом не ограничивается. В том числе поэтому задача судьи при обнаружении локального процессуального конфликта – не допустить «заражения» конфликтностью других отношений сторон.

В этом смысле особое значение приобретает способность самого судьи вести коммуникацию, т. е. уровень его коммуникативной компетентности³.

На самом деле, закон содержит немало возможностей для этого. Например, стадия подготовки дела к судебному разбирательству регламентирована весьма абстрактно, что позволяет судье использовать самые разные способы подготовки. Так, в некоторых судах практикуется проведение встреч-бесед со сторонами вне процессуальной формы. В научной литературе отношение к таким формам коммуникации неоднозначное. Так, С. Ф. Афанасьев считает ее вынужденной мерой, поскольку закон не позволяет проводить судебное заседание иначе, как в судебном разбирательстве и в исключительных случаях при подготовке дела. Для того чтобы выйти из этой затруднительной ситуации, суды повсеместно вынуждены прибегать к непроцессуальной формулировке, приглашая граждан на «беседу»⁴. Однако на это можно посмотреть и как на возможность искать новые средства подготовки дела и новые формы судебной коммуникации. В ходе такой беседы, помимо установления фактических

³ См., например: Дубровская Т. В. Коммуникативная компетентность судей : кооперативные и некооперативные стратегии // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8. С. 3–7.

⁴ См.: Афанасьев С. Ф. Значение фактических действий, осуществляемых судами общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел // Рос. юстиция. 2012. № 12. С. 34.

обстоятельств дела, можно оценить качество отношений сторон, в том числе и на предмет их конфликтности. Если стороны пребывают в состоянии конфликта до предъявления иска, они с большой вероятностью перенесут его в процесс.

Другим важным процессуальным средством такого рода является предоставленная суду возможность оперативного управления процессуальной деятельностью. В частности, суд вправе удалить из зала допрошенного свидетеля или, напротив, на время допроса несовершеннолетнего свидетеля удалить то или иное лицо, участвующее в деле, или кого-либо из граждан, присутствующих в зале судебного заседания. Суд вправе в любой момент прервать объяснения лица, участвующего в деле, показания свидетеля, вопрос или ответ на вопрос и вообще любое процессуальное действие, если сочтет это необходимым. Он может привлекать к ответственности нарушителей порядка в судебном заседании. Очевидно, что эти процессуальные средства, обеспечивающие суду возможность быстрой реакции на происходящее в процессе, необходимо использовать и для регулирования пространства конфликта, и для управления конфликтной коммуникацией в целом.

При этом судебная коммуникация нередко развивается в условиях сдерживания возможного произвола судьи, и закон дает в руки участникам процесса собственный набор правовых средств, которые они могут использовать для регулирования пространства и интенсивности конфликта: ходатайства об отложении, о проведении закрытого судебного заседания, о видеофиксации судебного заседания или отдельного процессуального действия, наконец, заявление об отводе и т. п.

Однако все эти инструменты могут оказаться полезными для управления судебной коммуникацией лишь при должном уровне понимания ее участниками своих возможностей и своей ответственности и при наличии у них определенных навыков.

Нынешнее положение дел в судах в этом смысле удручающее. Из-за низкого уровня коммуникативной компетентности участники судопроизводства, в том числе судьи, к процессу должным образом не готовятся, адекватно вести коммуникацию не способны, что порождает новые конфликты и усугубляет уже имеющиеся. Это само по себе деструктивно и опасно, но хуже всего, что эта ситуация не воспринимается как проблема, требующая решительных мер.

В юридической науке долгое время царило убеждение, что юристы должны заниматься только нормами права и их применением, а все остальные сопутствующие вопросы и проблемы следует отдать в руки соответствующих «узких» специалистов (психологов, экономистов, социологов, конфликтологов и т. п.), поскольку это совершенно разные научные реальности. С таким подходом невозможно мириться и особенно сейчас, когда гуманитарная наука готова щедро делиться результатами своих исследований этих «сопутствующих» проблем. Правоприменение, особенно судебное, – это не про нормы, это про саму жизнь, ибо задача суда не

в том, чтобы применить норму права, а в том, чтобы разрешить спор с помощью этой нормы или даже без нее.

В том числе поэтому судьи должны уделять внимание конфликтам, которые возникают в судопроизводстве, это часть их работы. В этом смысле осознание судьями правильных пределов своей деятельности и естественное в этом случае расширение горизонтов собственной коммуникативной активности просто необходимо.

Самим судебским сообществом в Кодексе судейской этики предпринята попытка закрепления некоторых рекомендаций для судей по руководству процессом, которые касаются в том числе и судебной коммуникации.

Судья, например, должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании. Судья должен требовать такого же поведения от участников процесса и всех лиц, присутствующих в судебном заседании, а также от работников аппарата суда⁵.

Это совершенно правильный, хотя и недостаточный посыл, но на практике эти указания реализуются крайне фрагментарно, что негативно сказывается на количестве возникающих в процессе конфликтов. И дело вовсе не в загруженности судов и вызванной этим обстоятельством нехваткой времени, а в том, что эти указания не воспринимаются их авторами и адресатами как имеющие конкретное практическое значение.

А ведь судебная коммуникация – коммуникация сложная, это весьма специфическая многоуровневая игровая модель взаимодействия с массой исходных рисков, которые часто нельзя не предвидеть, не предотвратить. Это профессиональная коммуникация, которой нужно обучать и которую нужно научно обосновывать. Только лишь право разрешать процессуальные конфликты не способно, но готовы ли мы использовать для этого неправовые инструменты, особенно учитывая, что судебный процесс детально регламентирован законом, и поведенческая свобода в нем весьма ограничена? Нужно быть готовыми, ведь право регулирует только внешний аспект поведения, а не его содержание, т. е. в таком случае вне досягаемости закона и, значит вне нашего контроля, оказывается весь процесс судебного познания, а вместе с ним и огромная часть судебной коммуникации.

Предупреждая скепсис относительно возможности формирования не умозрительной, а действительной научно обоснованной методики совершенствования профессиональной коммуникативной компетентности судей, приведем лишь один пример из теории игр, которая, как известно, является методом математики – царицы наук.

---

⁵ Кодекс судейской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не вдаваясь в математические нюансы, разнообразно проявляющиеся в судебном процессе, ибо это заслуживает отдельного основательного исследования, заметим лишь, что использование этого математического метода может дать весьма любопытные и полезные результаты в приложении именно к судебной коммуникации. Так, пару лет назад международной группе исследователей из МФТИ, Сколтеха, Томского государственного университета и Орегонского университета удалось теоретически описать сильные отклонения участников от рационального поведения в «Дилемме Заключенного» – известной стратегической игре из теории игр. Суть эксперимента заключалась в том, что участникам предлагалось анонимно взаимодействовать друг с другом посредством двух действий: кооперировать (К) или предавать (П). По правилам игры, если один игрок выбирает «К», а другой «П», предатель получает 10 очков, а кооператор – 0 очков. Если оба игрока выбирают «К», каждому достается по 5 очков, если «П» – каждый получает всего по 1 очку. Зная правила, можно понять, что кооперироваться выгодно, хотя с точки зрения простой математики рациональнее выбрать предательство. Именно эта ситуация является в данной игре равновесием по Нэшу, т. е. математически верной и наиболее выгодной для всех игроков стратегией. В начале игры уровень кооперации в группах составил в среднем 21 %, т. е. участники скорее выбирали рациональную стратегию предательства. Но после знакомства и «социализации», средний уровень кооперации увеличился до 53 % и выше⁶.

Эти результаты доказывают важность коммуникации, предваряющей принятие решения, и способности увидеть в партнере по коммуникации живого человека, а не безликого субъекта. Потому что человек, помимо прочего, способен к нерациональному поведению, а значит сухой математический расчет является менее эффективным инструментом даже в таких формализованных юридических системах, как судебный процесс. В каждый процесс, особенно осложненный конфликтом, судье необходимо погружаться, шаблонное, безучастное ведение судебной коммуникации недопустимо.

Например, должным образом осознанная судьей в контексте конкретного дела беспристрастная стратегия, последовательное воплощение которой не позволяет сторонам понять, к какому решению судья склоняется, как ни что другое вынуждает их к поиску этого самого равновесия Нэша, которое, и очень кстати, может быть реализовано в различных формах примирения. Увы, нередко судья проецирует свое восприятие правового спора между сторонами на коммуникацию с ними, понуждая, например, к представлению доказательств или демонстрируя свое отношение к тем или иным действиям участников, что создает впечатление, порой обманчивое, о силе или слабости позиции одной из сторон, вследствие чего достижение равновесия затрудняется. Приведем два примера из практики.

---

⁶ URL: <https://scientificrussia.ru/news/matematiki-postroili-model-sotrudnichestva-zaklyuchennyh>

Арбитражным судом рассматривалось дело о взыскании неустойки за просрочку выполнения работ по договору строительного подряда. Требования основывались помимо прочего на том, что подрядчик нарушил предусмотренный договором порядок передачи результата работ. При этом подрядчик считал работы переданными, а заказчик, ссылаясь на нарушение порядка передачи, не переданными. В первом предварительном заседании судья буквально бомбардировала вопросами истца. Со стороны это выглядело как демонстрация сложившегося мнения о необоснованности позиции истца, хотя на самом деле, как потом выяснилось, судья не успела ознакомиться с делом и пыталась прояснить детали. Здесь нужно еще отметить, что манера ведения процесса у этой судьи довольно агрессивная, что сильно сказалось на восприятии. После этого заседания ответчик, очевидно, воспринявший такое поведение судьи как существенно повышающее его шансы на выигрыш дела, отказался продолжать переговоры о мировом соглашении, которые были в весьма продвинутой стадии. В следующем заседании судья, напротив, обратила всю свою эмоционально окрашенную активность на ответчика, в результате чего приободрился уже истец. В итоге постановлено решение, которым обе стороны остались недовольны, поскольку оно оказалось менее выгодным для них, чем предварительные договоренности, достигнутые на не получивших продолжения переговорах. Причем каждый из них в частной беседе подтвердил, что отказался от переговоров из-за ложной надежды, вызванной поведением судьи.

В другом похожем деле и по сути, и по развитию событий судья вела коммуникацию спокойно, методично выясняла нюансы спора и аргументы сторон, что позволило каждой из них увидеть изъяны в собственной правовой позиции и возможности для компромисса по типу «лучше синица в руках». В результате заключено мировое соглашение.

Конечно, можно сказать, что в первом случае стороны тоже могли прийти к мировому соглашению, усомнившись в расположении судьи вследствие ее противоречивого поведения, ведь с рациональной точки зрения ситуации идентичные. Почему же этого не случилось? Все дело в эмоциях. Первый процесс был полон эмоций, спровоцированных агрессивным и в целом неверным поведением судьи, что невероятно затруднило принятие и ей самой, и сторонами рациональных решений. Во втором процессе, где соперничество сторон искусственно не обострялось, прийти к выгодному для всех решению оказалось значительно легче.

Оба примера наглядно демонстрируют влияние уровня коммуникативной компетентности судьи и сторон на динамику конфликтов в процессе. Именно низкий уровень коммуникативной компетентности является среди прочих причин конфликтов той, над устранением которой можно эффективно работать и вполне научными методами. Этому нужно учить студентов, этого нужно требовать от профессиональных юристов, прежде всего судей. Способность судьи эффективно вести коммуникацию должна стать одним из критериев профессиональной пригодности, ведь она не только необходима для разрешения дел, но и формирует у участников уважение к судье. В свою очередь уважение к конкретному судье в большинстве случаев проецируется на всю судебную систему и соответ-

ственно повышает уровень субъективной легитимности судебных решений и доверие к судебной системе, а это уже начало иной парадигмы.

Воронежский государственный университет

Сухорукова О. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

E-mail: osuhorukova@gmail.com

Voronezh State University

Sukhorukova O. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil Law and Process Department

E-mail: osuhorukova@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ

Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: <http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/>; <http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html>).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае если материал направляется в редакционную коллегию по почте, нужно прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется **одним файлом**, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов);
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);
- дата направления материала в редакцию журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адреса, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

367

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библио-

---

Информация

графическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакция рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакция направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

3.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;

- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.